

measure

Munich New York Wash London Paris Rome

RFE/RL RESEARCH
No. s _____
Code 1 2 3

ship xmit hold

Tape No. _____

LANGUAGE: русский

TITLE: Культура и политика No. _____ Bdcst. Date 29/80
6.81

- 1. Текст ведущего
- 2. Две литературы или одна?

Subtitle: _____

Author: И.Х., Синявский Editor/Origin: *И.Х.* Script No.: _____

Translator: _____ Editor/Munich: _____ Scr. No. Munich _____

Compiler: Хенкина Translator/Rewrite: _____
Approved for Broadcast: _____ *[Signature]*

Date Produced: 29.6.81 Producer: Кузнец Engineer: Вигорович

Studio No. 11 Time: 10¹⁵ - 10⁵⁰ Prog. Length: 28:30

Continuity Voice (Munich): Кузнец (4:00)

TALENT	TIME	Music Report		time	repeats
		Title/Composer	Label & No.		
Синявский					
		(+ муз)			

SHOW SUMMARY

REMARKS: (Incl. CND material & date)

For use by rebroadcast editor only
 retain
 requires re-edit
 rebroadcast as is

Form No. 79

КУЛЬТУРА

КУЛЬТУРА И И ПОЛИТИКА

Музыка. Ведущий: Говорит радио Свобода. Культура и политика.

Музыка.

Примерно месяц назад в Лос-Анжелесе состоялась международная конференция славистов, посвященная проблемам русской литературы в эмиграции. Доклад, который вы сейчас услышите, был прочитан там преподавателем парижского университета ^{иш@агелем} (Андреем Донатовичем Синявским):

/Синявский/ до стр. 9/

В передаче "Культура и политика"

✓ Вы слушаете доклад, прочитанный в Лос-Анжелесе на конференции славистов ^{иш@агелем} Андреем Синявским:

/Ленфа до конца/

Прежде чем закончить программу "Культура и политика", добавим, что критикуя точку зрения Солженицына на так называемую деревенскую литературу в Советском Союзе и на писателей-деревенщиков /которыми он, Солженицын ^{Безоговорочно} восхищается/, Андрей Синявский не прав, говоря, что никто в эмиграции на это не откликнулся.

В одной из литературно-политических программ радио Свобода на это выступление Солженицына ответил Владимир Максимов, сказавши - цитируем (речь шла о том, бойкотировать или нет выступления на Западе ~~приезжих~~^{зае} советских литераторов/:

"... там, где властвует диалектика, нет места ни морали, ни нравственности. Например, недавно в своем интервью по Би-Би-Си Александр Солженицын выдвинул на первое место в нашей литературе деревенскую прозу и назвал ее ~~стержневой~~^{серж}. Я люблю эту литературу, я знаю большинство ~~представителей~~^(р) этой прозы, отношусь к ним, как к писателям с профессиональным уважением, но вы посмотрите на их реальную жизнь. На то, как они живут и действуют в своей среде. В большинстве они - лауреаты государственных премий, члены правлений, члены обкомов партий тех ~~обл~~^сстей, в которых они живут. Половина из них выступила против того же Александра Солженицына во время кампании, которая началась в наших газетах против него перед высылкой из Советского Союза. Разумеется, можно объяснить это тактикой, разумеется, каждый человек живет в меру, как говорится, своего понимания нравственности и своих профессиональных задач. Но тогда, я говорю, наступает диалектика, тогда всё можно, всё дозволено, и

каждый может оправдать свои поступки соображениями стратегическими.

Но тогда - где же "не по лжи"? Тогда снимается всякая точка отсчета, к которой мы уже приучили себя: "не по лжи" - так не по лжи.

И видите, наступает и у нас здесь, в литературной и политической эмиграции релятивизм в оценках - этому можно, этому нельзя..."

Это слова редактора журнала "Континент" Владимира Емельяновича Максимова, слова, сказанные им в ответ на выступление Солженицына по Би-Би-Си, о котором говорил в своем докладе в Лос-Анжелесе Андрей Синявский. Так что ответ Солженицыну, спор с ним был.

На этом закончим сегодня программу "Культура и политика".

Музыка.

Munich New York Wash London Paris Rome

RFE/RL RESEARCH
No. s

Code 1 2 3

ship xmit hold

Tape No. _____

LANGUAGE: русский

TITLE: Писатели у микрофона No. _____ Bdcst. Date _____

Subtitle: Две литературы или одна?

Author: Синявский Editor/Origin: Гладилин Script No.: _____

Translator: _____ Editor/Munich: _____ Scr. No. Munich _____

Compiler: _____ Translator/Rewrite: U-X.

Approved for Broadcast: _____

Date Produced: 12.6.81 Producer: Шагинян Engineer: Шагинян

Studio No. _____ Time: 27:30H Prog. Length: 24:30

Continuity Voice (Munich): _____

TALENT	TIME	Music Report		time	repeat
		Title/Composer	Label & No.		
<u>Синявский</u>					

SHOW SUMMARY В середине мая в Лос-Анжелосе состоялась междуна-
родная конференция профессоров-славистов, посвященная п облемам
русской литературы в эмиграции. В начале конференции Андрей Синяв-
ский, профессор Парижского университета Сорбонны, сделал доклад
который мы повторяем для наших радиослушателей.

✓ off 8; 14 15 ✓

REMARKS: (Incl. CND material & date)

For use by rebroadcast editor only

- _____ retain
- _____ requires re-edit
- _____ rebroadcast as is

2 варианта off - без звука и музыки

Form No. 79

Russian: Master Copy (green) Script Control/Music Library (white) Continuity (yellow) Spain (pink) Orig. Unit (blue)

Other: _____ *14-15*

ПИСАТЕЛИ У МИКРОФОНА

Две литературы или одна?

Я буду говорить о соотношении и взаимодействии двух литератур – советской и диссидентско-эмигрантской с упором на наши эмигрантские беды и болезни.

Заранее говорю, как и многие другие, я придерживаюсь точки зрения, что при всех исторических разрывах и разобщениях русская литература едина, и понятием двух литератур я пользуюсь, в основном, ради терминологического удобства.

Вторая / ^{в кавычках} "литература", порвавшая с официальной идеологией и выехавшая частично на Запад, если не авторами, то текстами, это, вероятно, самое значительное событие в русском литературном развитии нашего времени.

Помимо собственных успехов второй литературы, которых я не буду касаться, она поставила своего рода альтернативы и перед

отдельными авторами, и перед литературой в целом и даже в какой-то мере перед советским государством.

Вместе с ее возникновением у писателя в Советском Союзе появилась возможность быть самим собой и не только, работая в стол, для себя или для потомства, но, выходя уже сегодня на холодный ветер истории.

Правда, писатель при этом кое-чем рискует, но литература вообще дело рискованное. Соответственно поколебался закон партийности литературы, который на новом этапе может быть наиболее четко сформулировал Хрущев, обратившись к творческой интеллигенции, как к своим гостям обращается суровый хозяин.

Цитирую: "Ешь пирог с грибами, держи язык за зубами". Конец цитаты.

И хотя этот закон и этот пирог продолжают успешно действовать, все же появилась опасность, что часть гостей, к стыду хозяина, при его словах разбежится. И хозяин государства вынужден с этим считаться, и нисколько не меняясь по своей сути, вести более скрытую и гибкую игру в советскую литературу.

Кого-то и на порог не пускать, кого-то выгонять пинками из-за стола, а на каких-то не вполне благонадежных гостей

смотреть сквозь пальцы, делая вид, что ничего особенного не происходит. Это, по-прежнему, как всегда торжественно восседает за правительственным столом социалистический реализм.

Таким образом, сам факт существования самиздата и тамиздата оказывает некоторые воздействия на Госиздат.

Некоторым талантливым авторам государство, скрепя сердце, предоставляет время от времени относительную независимость и идет как бы на взаимный компромисс, не становясь при этом ни либеральнее, ни гуманнее.

С другой стороны, неподцензурная литература влияет на отдельных писателей, к ней не принадлежащих, влияет чаще всего не прямо, а косвенно, как бы подзадоривая на более острые и полузапретные темы, на более свободный, раскованный образ мысли и стиль.

В итоге литературная картина становится интереснее и сложнее, чем просто деление на правоверных авторов и на отщепенцев.

Все эти сложности, все эти оттенки и переходы заставляют нас, находясь в эмиграции, относиться более внимательно, индивидуальнее к тому, что происходит в литературе там, в метрополии, поскольку все-таки там, а не здесь источник ее будущего развития

и обновления, чему мы должны по возможности способствовать.

Однако в литературно-критических статьях и обзорах, которые появляются последнее время в русской зарубежной печати, порою проводится слишком жесткая и решительная граница между тем, что происходит в литературе и там, и здесь.

Под словом "здесь" я имею в виду также вещи, которые написаны там, но напечатаны здесь.

Так вот, иногда получается, что там в подцензурной словесности даже лучшие вещи плохи.

Поскольку там писатель не может или не хочет высказать полную правду во весь голос, как это делают эмигрантские и диссидентские авторы. А полуправда, так называемый "промежуточной литературы" (появился и такой термин), рассматривается исключительно как выгодная нынешнему государству сделка и маскировка.

Об этом пишет Юрий Мальцев в весьма интересной и острой статье, которая опубликована в 25-м номере журнала "Континент", и которая называется "Промежуточная литература и критерий подлинности".

Цитирую: "Разрешенная правда подозрительна самим уже фактом ее разрешения. Значит, есть у власти серьезные мотивы для того, чтобы "разрешить" эту правду и тем самым закрыть другую, более важную и более страшную правду." Конец цитаты.

Хотя сам я предпочитаю неразрешенную литературу, подобный критерий оценки художественной подлинности произведения, мне представляется крайне узким. Ибо государство разрешает печатать не только то, что ему выгодно, но и то, что оно вынуждено разрешить или то, что, с его точки зрения, достаточно нейтрально, безопасно и так далее. Тут возможны десятки вариантов, каждый из которых требует конкретного рассмотрения. Делить же литературу на вредную и полезную государству нелепо. Пусть уж этим занимается советская власть, а не диссидентская эмиграция.

Я думаю, что замечательный "Раковый корпус" Солженицына не напечатали в свое время в России не потому, что это вредная государству вещь, а потому, что государство у нас глупое и далеко не всегда понимает, где вред, а где польза.

Также и полнота правды, предлагаемая Юрием Мальцевым в виде

пробного камня, не является единственным критерием художественного достоинства книги.

В нынешней русской словесности, подцензурной и бесцензурной, есть прекрасная вещь, значение которой далеко не покрывается полностью высказанной в них правды. Например, роман "Путешествие

дилетантов" Булата Окуджавы ^{или,} особенно меня поразившие своей стилистикой и архитектурой "Пушкинский дом" Андрея *Билева*

и его "Похороны доктора". А уж к поэзии понятие полуправды или полной правды почти не приложимо.

Разве Иосифа Бродского не печатали потому, что он слишком правдив? А Самойлова печатали ~~с~~ за то, что он не правдив?

Но Юрий Мальцев идет еще дальше и предъявляет писателям промежуточного направления, таким, как Трифонов, Шукшин, Распутин и так далее политические обвинения за то, что они отгораживаются от политики.

Цитирую: "Наивно говорить, что писатели эти, якобы просто не хотят вмешиваться в политику, а хотят тихо заниматься своим ремеслом.

Сознание любого человека в сегодняшнем мире политизировано.

Политика стала неотъемлемым компонентом бытия, игнорировать это -

значит заниматься как раз угодной властям политикой".

Конец цитаты.

Не похоже ли ^{несколько} это /на совсем /свеж^ее в нашей памяти нападки советских властей на ^{политич}ных писателей, вроде Пастернака или Ахматовой? Дескать, их стремление уйти от политики - это тоже политика, это пособничество ^{мировому} империализму, их беспартийность - это скрытая форма буржуазной партийности и так далее, и тому подобное - по логике; ^{||} кто не с нами, тот против нас.

Как тут не вспомнить Алексея Михайловича Ремизова, который, выехав из России позднее других, писал в 23-м году в Берлине, Цитирую: "Эта несчастная политика все перекрутила и перепутала. И ведь было такое время, когда здешние, про нас, оставшихся, говорили "продались большевикам". Это я читал собственными глазами, а у нас, бывало, чуть что - "продался мировому капиталу". Какой надо иметь злое воображение и какие пустяки хранить в душе." Конец цитаты.

Разделение литературы по партийно-политическому признаку, с

с ка^кй бы стороны это ни исходило, возбуждает у меня чувство протеста. Не потому, что я так уж люблю всех писателей "промежуточного" направления, просто ничто постороннее искусству - политика, мораль, философия и даже религия, и даже правда, вся полнота правды, на мой субъективный взгляд, писателя не спасает. Тем более, политика. Самая хорошая политика - это не критерий художественности. И чаще всего мы знаем политизированное сознание, на которое упирает Мальцев, потому что оно теперь, дескать, у всех в мозгу, у любого человека, это политизированное сознание, за редким исключением, не приносит литературных плодов. Мало ли что у всех политизированное сознание! Писатель, по словам Цветаевой, это один из всех, а иногда один без всех и против всех, или, как говорил Константин Леонтьев, художник при демократии чувствует себя подчас аристократом, при деспотической власти он - демократ, в эпоху безбожия, он - религиозен, а в эпоху религиозного ханжества ведет себя вольнодумцем.

Короче говоря, пути искусства неисповедимы и каждый решает сам, как ему лучше писать.

Требовать же от писателя, живущего в Советском Союзе, чтоб он непременно вмешивался в политику и открыто противостоял государству, это, помимо прочего, безнравственно. Это все равно, что заставлять человека идти в тюрьму или эмигрировать.

Ни запрещать эмиграцию, ни требовать, чтобы все настоящие честные писатели покинули Россию нельзя, это не сулит ничего доброго русской литературе.

Вообще, наверное, нам пора отказаться от руководящих указаний, каким должен быть писатель и куда, по какому магистральному направлению ему надлежит двигаться и куда должна развиваться литература. Пускай она сама развивается.

В противоположность Мальцеву, который ориентруется на писателей-диссидентов, выскочивших за границу дозволенного, и вообще за границу, который хочет, чтобы Трифонов, Распутин и другие шли путем беспощадных политических разоблачений, наподобие

Зиновьева,

Александр Солженицын, например, придерживается совсем другого мнения. Он не верит в образованцев, диссидентов, но уповает на глубинку, на почву, не засоренную интеллигентским сознанием,

V. В. Сталина

где и коренятся подлинные народные, национальные положительные начала.

В известном интервью радиостанции "Би-Би-Си" Солженицын сказал: /цитирую/:"Русская литература всего больше меня поразила и порадовала именно в эти годы, когда я выслан.

И не в свободной эмиграции она имела успех, не в раздолье так называемого "самовыражения", а у нас, на родине, под мозжащим прессом". Конец цитаты.

Сказано веско и, как всегда, своеобразно.

Интересно отметить, однако, что беспочвенная эмиграция и диссидентская литература вообще эту пилюлю проглотила.

А не самовыражайтесь!

И далее Солженицын определяет главный стержень русской литературы. Это так называемая "деревенская" литература", а на самом деле, говорит Солженицын, /цитирую/: "Это труднейшее направление работы наших классиков. такого уровня во внутреннем изображении крестьянства, как крестьянин чувствует окружающую свою землю, природу, свой труд. Такой ненадуманной органической образности, вырастающей из самого народного быта, такого поэтического

и щедрого народного языка, к высокому уровню стремились русские классики, но не достигли никогда — ни Тургенев, ни Некрасов, ни даже Толстой. Потому что они не были крестьянами. Впервые крестьяне пишут о себе сами." Конец цитаты.

Я лично высоко ценю некоторых авторов того направления, о котором говорит Солженицын, но меня крайне смущает здесь само понимание художественного творчества. Ведь согласно такому пониманию, Шекспир, допустим, не мог проникнуть в психологию королей, поскольку сам королем не был.

Версия Солженицына несколько напоминает теорию пролеткульта, согласно которой, новую пролетарскую культуру и литературу должны создавать сами пролетарии, которые лучше чувствуют родной завод и станок, чем какие-нибудь интеллигенты-попутчики.

Да и крестьянская литература, созданная силами самих крестьян, тоже у нас уже была и в конце прошлого века, и при советской власти. Достаточно назвать имена Сурикова, Подъячого, Вольнова и многих других, а рядом Клюева, Клычкова, Есенина.

Нет, не впервые крестьяне пишут о себе сами, но впервые мы слышим, что за несколько последних лет советские крестьяне

обогнали классиков в изображении деревни.

Куда там какой-нибудь Глеб Успенский, Чехов, Бунин, если сам Лев Толстой не достал до мужика.

Но ведь это же сенсация, это литературный переворот. И вот

на этот переворот как-то почти не откликнулась наша эмигрант-

ская критика. То ли Солженицын^с спорить не хочется, то ли многие

согласны с этим открытием, но ведь если согласны, то следовало

бы немедленно изучать и осмыслять, анализировать этот ред-

чайший уникальный опыт. Ведь не кто-нибудь, а сам Солженицын

определил главный стержень литературного процесса в России. Или...

и надо оспаривать. Но для того, и для другого нужна широкая и

квалифицированная литературная критика, которой у нас, к со-

жалению, почти нет.

Это давняя беда эмиграции. Если перелистывать старые эмигрантские

журналы, то каким-то рефреном звучит милая констатация факта,

на которую, впрочем, никто не обращает внимания. "У нас нет

критики." Все прочее, казалось бы, есть: высокая культура,

плеяда блестящих писателей, которой мы можем только позавидовать,

издательского дела, которому мы обязаны множеством ценнейших книг.

Более того, как известно, русская религиозно-^{философская} мысль получила в эмиграции обоснование и развитие, и появились великолепные книги, которыми до сих пор питается и будет еще долго питаться Россия. И только настоящая литературная критика почему-то отсутствует. Или, как пишет Зинаида Гиппиус, в начале тридцатых годов, /цитирую/: "Критика нам не по времени, не ко двору. Критические статьи даже самых способных наших литераторов поражают своим ничтожеством." Конец цитаты.

Может быть, критики не было потому, что критика всегда [/]свидетель и участник живого и бурного литературного процесса, движения. А такого движения не было в эмиграции, несмотря на наличие больших творческих индивидуальностей.

Или, быть может, отсутствие критики связано с отсутствием читателя, на что не раз жаловались писатели-эмигранты.

Ведь критика — это посредник между писателем и читателем, а с кем же посредничать, если читателей нет.

Сошлюсь в этой связи на статью Георгия Иванова 31-го года, которая называется "Без читателя". Хотя в ней говорится о первой эмиграции, она и для нас актуальна, поскольку рисует

среду, в которую, в сущности, и мы попали, переехав на Запад, а также может и нам служить довольно неприятным предостережением.

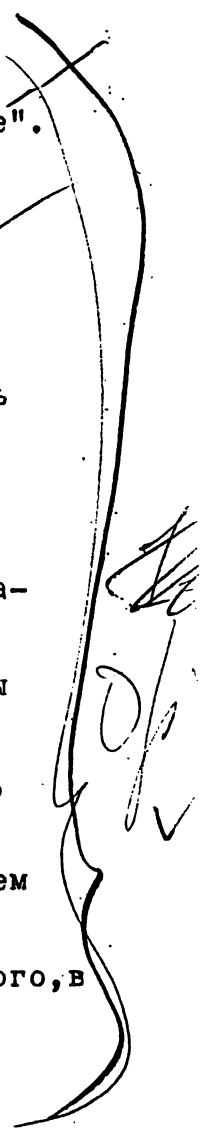
По словам Георгия Иванова, есть писатели, но нет читателей, потому что читательская масса окрашена в один цвет - безразличной усталости, и в литературе она ищет развлечения и успокоения. И вот в итоге, писатель становится конформистом по отношению к этой среде.

Сф
чу
2-11

Цитирую: "Сама собой установилась и забирает все большие права
строжайшая самоцензура, направленная неумолимо на все, что
выбивается из-под формулы - "писатель пописывает, читатель по-
читывает", тщательно обрезающая все космы, хоть и вяло
пытающиеся из-под нее выбиться. Кто же установил эту цензуру?
В том-то и ужас, что никто. Сама собой установилась.

Никакие Бенкендорфы и никакие Победоносцовы не могли, как ни
старались, низвести русскую литературу до желанного уровня
семейного чтения. А сколько было приложено старанья и какие
испытанные применялись средства! Душили, но и полузадушенная
твердила все тоже преступное: хочу перевернуть мир. Теперь,
в условиях почти абстрактной свободы сознательно, добровольно,

полным голосом она говорит: хочу быть приложением к "Ниве".
Представим для примера появление в нашей среде, хотя бы
Чаадаева, с его особым мнением о России.
Николая Первого нет, нет и Бенкендорфа, ^{бы} но они/могли быть
спокойны. Можно ли сомневаться, что вся русская культура
за рубежом, как один человек, не объявила бы Чаадаева за-
ново сумасшедшим. Нельзя сомневаться. И объявив, была бы
по своему права, по своей логике, логике своего читателя,
на которого она изо всех сил старается походить. Но скажем
откровенно, где тут России, хотя бы России Николая Первого, в
которой мог все-таки появиться Чаадаев." Конец цитаты.

Так или иначе, но такие новые, важные для двадцатых годов ав-
торы, как Пастернак, Маяковский, Хлебников, Бабель, Зощенко,
Мандельштам, Тынянов, Платонов и другие прошли почти мимо
современного им эмигрантского восприятия.

Не получили по достоинству у современников серьезного и разно-
стороннего освещения такие авторы в самой эмиграции как
Марина Цветаева, Ремизов, Ходасевич, Набоков.

Георгий Иванов, тонкий поэт и знаток литературы, писал о Набокове

в то время авторе "Защиты *Лужина*" и "Машеньки", что это/цитирую:

"Знакомый нам ^{от века} тип способного хлесткого пошляка журналиста, владеющего пером. Что это "кухаркин сын, разыгрывающий из себя графа." Конец цитаты.

Не очень-то гладко обстояло дело и с восприятием новой западной литературы.

Вот что заявлял о Прусте хороший русский писатель Иван Шмелев в 31-м году, сравнивая Пруста с третьестепенным русским писателем семидесятых-восемидесятых годов прошлого столетия

Альбовым. Цитирую: "Пруст не может считаться крупнейшим выразителем нашей эпохи. То, что делает Пруст, слишком мало для взыскательного читателя. Если бы знатоки и высокоценители

Пруста попробовали почитать нашего Альбова, они нашли бы там не менее тонкий и пространный, напоминающий Пруста, стиль, столь же утомляющий. Но у Альбова есть полет и светлая жалость к человеку, есть Бог, есть путь, куда он ведет читателя.

Куда ведет Пруст? Какому Богу служит? Наша литература слишком сложна и избрана, чтобы опускаться до влияний невнятности,

наша дорога столбовая, незачем уходить в аллейки для прогулок."
Конец цитаты.

Как это перекликается сейчас с Солженицыным, сказавшем в том же интервью /цитирую:/ "Никакого авангардизма не существует. Это придумка пустых людей. Надо чувствовать родной язык, родную почву, родную историю." Конец цитаты.

Все бы ничего, когда бы следуя, по Шмелеву, столбовой дорогой, литература не зашла в тупик, та, куда более блестящая, чем у нас сейчас, литература первой эмиграции, объявившая в 22-м году, что с ее уходом за границу ничего творческого в России не осталось. А не прошло и десяти лет, эмиграция должна была признать свой глубочайший кризис в литературе. Причин много и, может быть, одна из причин упадка, что литература слишком уж придерживалась столбовой, то есть проторенной дороги, жила по инерции и не искала нового.

Поменьше бы и нам с вами устанавливать столбовые и стержневые пути, от которых литература, развиваясь, на самом деле, уклоняется в сторону и хорошо делает, иначе бы она омертвела.

У нашей третьей волны много недостатков по сравнению с первой эмиграцией, но есть одно преимущество, которым было бы грешно не воспользоваться.

Сегодняшняя Россия с тем лучшим, что там появляется в литературе для нас не чужая и не закрытая страна.

И наши читатели не только здесь, но и в современной России, да и шире рассуждая - нынешняя эмиграция куда теснее связана с метрополией, чем это было в прошлом.

В наши задачи входит - укрепление этих мостов и наведение новых. Одной из форм живого общения могла бы в принципе служить критика не в виде вынесения приговоров и оценок, но в более серьезном, разветвленном и вместе с тем конкретном рассмотрении литературных явлений по разные стороны воздвигнутых государством барьеров.

- - - - -